

Глава 42. Новый постоялец (часть 2)

— Изначально Изнаночный мир принадлежал тому мастеру призрачного гу. Это он спрятал маму на десятом этаже. Красный зонт тоже сплела она. В минуты просветления она нашла проход, спрятала его в Изнаночном мире и попросила человека в белом халате передать зонт мне, чтобы я смогла сбежать сюда.

Маленькая Ли Маньюнь продолжила:

— Мастер призрачного гу и Ли Чжэньчжун были убиты в борьбе за власть, и я, воспользовавшись моментом, захватила контроль над Изнаночным миром. Полностью подчинить его я не могу, но пока у меня есть красный зонт и проход, я могу свободно перемещаться по этому давно покинутому хозяином миру.

Она сказала, что не хотела обманывать Цэнь Цзиня. Убив Ли Чжэньчжуна, она, естественно, отдала бы ему все красные зонты, что было равносильно передаче ему Изнаночного мира.

— Откуда ты знаешь, что это руины Царства призраков? — спросил Цэнь Цзинь.

— Я слышала, как мастер призрачного гу говорил об этом с Ли Чжэньчжуном. Он также много раз упоминал Богиню-Мать, но так и не назвал её имени, поэтому я не знаю, о ком именно он говорил.

Цэнь Цзинь обернулся, посмотрев на тайком вошедшую взрослую Ли Маньюнь.

— Ты должна знать, — напомнил он. — «Вечное благоденствие, бесконечная радость». Ты ведь тогда пыталась мне что-то подсказать?

— На месте библиотеки раскопали бронзовую статую. Ли Чжэньчжун поехал уладить это дело и по пути встретил одного мудреца. Я тогда сидела на заднем сиденье, была совсем сонной, но отчётливо запомнила его слова: «Если не веришь мне, взгляни под дверную петлю — там непременно будут седые волосы».

Цэнь Цзинь все эти годы вкалывал, чтобы заработать, а на выпускных экзаменах схитрил, сосредоточившись только на программе-минимум. Времени на развитие литературного кругозора у него не было, поэтому он не знал, откуда эта цитата.

К счастью, взрослая Ли Маньюнь не стала его смущать и сама всё объяснила:

— В старом здании не было ни интернета, ни книг, а я умерла рано, так что мне неоткуда было это узнать. Но, к счастью, я встретила Хо Сяотин, которая специализируется на фольклоре.

Значит, вот как Хо Сяотин попала в поле её зрения. Хорошо ещё, что та ничего не знала, иначе сошла бы с ума от страха.

— Хо Сяотин пропала на третьем этаже. Это твоих рук дело? — спросил Цэнь Цзинь.

— Я отправила её в безопасное место, — взрослая Ли Маньюнь прижалась к Чэнь Цзиньюнь и продолжила: — Хо Сяотин рассказала мне, что эта фраза из «Книги Хань», из «Трактата о пяти элементах». На четвёртом году правления императора Ай-ди в землях к востоку от столицы люди передавали друг другу бамбуковые бирки. Встречая человека, они говорили: «Неси бирку Си-ван-му», и тот присоединялся к шествию. Процессия на дорогах разрослась до тысяч человек. Кто-то распускал волосы, кто-то по ночам перелезал через стены, кто-то ехал на повозках... Толпа выглядела обезумевшей, словно все были одурманены, и так они шумной ватагой ворвались в столицу. В переулках и на улицах столицы они устраивали игорные столы, пели и плясали, поклоняясь Си-ван-му, и оставили после себя ту самую фразу. А перед ней была ещё одна: «Мать говорит народу: тот, кто будет носить эту книгу, не умрёт». «Седые волосы» в тексте — это и есть Си-ван-му. Во времена династии Хань её часто изображали в виде седовласой старухи. Она — божество, ведающее жизнью и смертью, а также казнями и убийствами. В эпоху Хань произошёл взрывной рост литературных образов, стихов и преданий, связанных с Си-ван-му. Хо Сяотин также говорила, что до династии Хань Си-ван-му была богиней мора, эпидемий и пяти видов увечий, а после — стала богиней долголетия и благополучия.

Значит, Богиня-Мать, о которой говорили Ли Чжэньчжун и колдун гу, — это Си-ван-му. Но какая связь между Си-ван-му и руинами Царства призраков?

Предания о Царстве призраков распространены в народной литературе. В «Книге гор и морей» упоминается, что Царство призраков находится к северу от трупа Эрфу и у его жителей всего один глаз.

В «Книге Перемен» говорится о государстве Гуйфан, которое У-дин, правитель династии Шан, смог завоевать лишь после трёх лет войны.

Кроме того, самое известное в народе предание — это город призраков Фэнду, который также можно назвать Царством призраков.

Однако ни в одном из этих источников Царство призраков не связывалось с Си-ван-му.

— Хо Сяотин искала, но не нашла никаких литературных источников, связывающих Царство призраков и Си-ван-му, — сказала взрослая Ли Маньюнь.

— Ясно, — ответил Цэнь Цзинь.

— Неконтролируемый Изнаночный мир поглощает всё, что в нём находится, чтобы восстановить себя, — напомнила маленькая Ли Маньюнь.

Проще говоря, если проход исчезнет, все монстры в здании со временем будут поглощены.

Она немного помедлила и сказала:

— Мама здесь, так что мне всё равно, смогу ли я уйти. Внешний мир меня не особо интересует. Ты пострадал из-за меня, я придумаю, как отправить тебя отсюда.

— Как? — безразлично спросил Цэнь Цзинь.

— Я — яо. Мастер призрачного гу хотел с помощью меня взломать генетическую цепь аномалий, чтобы они могли размножаться, как люди. Но план провалился, и он сменил тактику, пытаясь понять, как облегчить людям процесс превращения в аномалий.

Аномалии — это большой класс, а яо — лишь один из видов в нём.

Цэнь Цзинь подумал, что цели мастера призрачного гу напоминали вербовку солдат перед большой войной.

— Чтобы облегчить исследования, он кое-что сделал со мной при рождении, — маленькая Ли Маньюнь прижала руку к груди. — У меня нет ни сердцебиения, ни дыхания. Это тело — керамическая статуя, переделанная из той самой разбитой сорокадвухрукой Гуаньинь. Ты можешь разбить меня и создать заново. Ли Маньюнь...

Она посмотрела на взрослую Ли Маньюнь.

— Можешь звать меня сестрой, — сказала та.

Глаза маленькой Ли Маньюнь загорелись.

— Сестра, ты, должно быть, видела статую Си-ван-му. Неважно, была ли это сама Си-ван-му, главное — обмануть Изнаночный мир. Сестра, ты можешь вылепить из меня статую Си-ван-му и обманом заставить Изнаночный мир открыть проход.

— Ты ведь умрёшь?

— Я никогда и не жила.

— Нет, — отказался Цэнь Цзинь, глядя на кровавую луну. — Я помогаю тебе убить Ли Чжэньчжуна, ты отдаёшь мне Изнаночный мир. Таков порядок в делах. Мы должны соблюдать порядок, и аномалии — не исключение.

Маленькая Ли Маньюнь опешила.

— Но ты ведь не убил Ли Чжэньчжуна.

— Кто сказал? — Цэнь Цзинь бросил на неё взгляд и, подойдя к панорамному окну, сказал: — Я давно отправил людей перехватить Ли Чжэньчжуна. Это гении, которые в сто раз сильнее меня.

«В сто раз сильнее этого желтоволосого? Что же это за люди?» — подумала маленькая Ли Маньюнь.

— Полагаю, Ли Чжэньчжун уже лишился головы.

Ещё на втором этаже он, совершив тот звонок сквозь четыре месяца времени, сообщил, что Ли Чжэньчжун сегодня ночью устроит заварушку, и попросил Ван Линсяня и его товарища подкараулить его на восьмом этаже. А когда он только что выходил и заманивал Ли Чжэньчжуна с пятого этажа на десятый, он намеренно создал шум, чтобы те двое его заметили.

Так что тяжело раненный Ли Чжэньчжун, едва попав в реальный мир, тут же столкнулся с Ван Линсянем и Тутэн. В худшем случае его ждал спецотряд Организации. Так что его обезглавливание было практически решённым делом.

— Но я потеряла красный зонт, — снова сказала маленькая Ли Маньюнь. — Я не могу отдать тебе Изнаночный мир.

— Захватывать пустующий дом, в котором нет хозяина... какая бандитская логика, — пробормотал Цэнь Цзинь.

Маленькая Ли Маньюнь не расслышала и, подойдя на два шага, хотела переспросить, но увидела, что Цэнь Цзинь убрал тесак и поднял обе руки к кровавой луне. Его пальцы были длинными и тонкими, на тыльной стороне ладоней проступали синие вены, уходящие к запястьям. Лёгкий поток воздуха поднялся из ниоткуда и закружил платок на его запястье.

Платок запорхал, словно бабочка.

— Должно быть, так: до основания государства старые права на землю и недвижимость недействительны, всё перераспределяется. У кого ключи — тот и хозяин. Ли Маньюнь отдала их мне, значит, это моё.

Цэнь Цзинь передразнивал фразу Дин Чжаоцина:

— Какой ещё силовой захват? Я — законопослушный молодой человек, любящий жизнь и свою страну, уважающий свободу и демократию и твёрдо отстаивающий интересы трудящихся. Как это можно назвать захватом?

Маленькая Ли Маньюнь наконец расслышала его слова.

«...»

Если бы не факты, она бы и вправду подумала, что этот желтоволосый — человек.

Цэнь Цзинь стиснул зубы. Ему становилось всё труднее. Его недавно развитый домен мозга был вынужден работать на пределе, выдерживая огромное ментальное давление. Голова раскалывалась от боли, застывшие раны на теле снова открылись. Пальцы левой руки были в кровавом месиве — смотреть на это было больно.

Говорят, кончики пальцев напрямую связаны с сердцем. Его пальцы были так изувечены, а он даже не пикнул. Это вызывало уважение.

Маленькая Ли Маньюнь не была человеком, но почувствовала уважение.

Взрослая Ли Маньюнь, человек в белом халате, призрачные тени и другие монстры с удивлением наблюдали за действиями Цэнь Цзиня, не понимая, что он задумал. Даже маленькая Ли Маньюнь не знала.

— Что этот желтоволосый вообще пытается сделать? — растерянно пробормотала она.

— Он хочет силой заставить Изнаночный мир сменить хозяина.

Маленькая и взрослая Ли Маньюнь одновременно обернулись, увидев очнувшуюся Чэнь Цзиньюнь.

— Я тоже пыталась силой сменить хозяина, чтобы убить Ли Чжэньчжуна. Но моих сил было недостаточно. За все эти годы я так и не смогла захватить контроль над настоящим выходом из Изнаночного мира.

— Где настоящий выход? — спросила маленькая Ли Маньюнь.

— Кровавая луна, — ответила Чэнь Цзиньюнь, подняв голову.

Все аномалии были потрясены. Никто и подумать не мог, что настоящий выход находится на самом видном месте — прямо над головой.

Ноздри и уши Цэнь Цзиня наполнились теплом, в горле тоже появился привкус крови. Не глядя, он понял, что у него идёт кровь из пяти отверстий. Но он, не обращая внимания на смертельную опасность, продолжал выжимать из себя ментальные силы, пытаясь достичь высшей степени контроля над гравитацией — силой заставить кровавую луну подчиниться.

Невидимая ментальная сила сжимала гравитацию и управляла ею, постепенно обволакивая огромную кровавую луну. Остаточная сила «Богини-Матери» в Изнаночном мире, жестокая и кровожадная, почувствовав вторжение другой ментальной силы, яростно набросилась, чтобы растерзать совершенно незрелую ментальную силу Цэнь Цзиня.

Во рту у Цэнь Цзиня стоял привкус крови. Он сплюнул полный рот крови и продолжил концентрироваться, чтобы уничтожить эту остаточную ментальную силу.

Он даже Дин Чжаоцина не боялся, так с чего бы ему пугаться этого жалкого ментального загрязнения, хорохорящегося за чужой счёт?

Чтобы заполучить это здание, он не только помог убить Ли Чжэньчжуна, превратил себя в рваную тряпичную куклу, но ещё и лишился руки. И в итоге остался ни с чем? Кто такое стерпит?

Несчастный, преданный своему делу и добрый труженик, из кожи вон лезущий за гроши, и какая-то мразь ещё смеет оставлять его ни с чем?

Гнев наполнил его сердце, и перегрузка ментальных сил привела Цэнь Цзиня на грань срыва.

Кровь залила его глаза. Они стали багровыми, словно вот-вот он заплачет кровавыми слезами.

Если кровь пойдёт ещё и из глаз, Цэнь Цзинь неминуемо потерпит ментальный коллапс. Это как сгоревший процессор: если не заменить мозг на новый, он либо станет безумцем с коротким остатком жизни, либо его голова взорвётся, и он умрёт на месте.

Даже не понимая всей ситуации, маленькая Ли Маньюнь чувствовала, что Цэнь Цзиню лучше остановиться.

Но никто не осмеливался подойти. Он стоял лицом к кровавой луне, его налитые кровью глаза горели, как у дикого зверя, лицо исказила свирепая и безумная гримаса. Из пяти из семи отверстий на его лице потоками лилась кровь, придавая ему сходство со злобным демоном, что удерживало всех аномалий от вмешательства.

Чэнь Цзиньюнь наблюдала некоторое время, и вдруг её лицо исказилось от ярости. На бледной коже проступили толстые синие вены, изо рта показались клыки. Она силой взяла под контроль тот слабый след ментального загрязнения, что был скрыт в кровавой луне.

Слабый, как огонёк свечи, который можно было задуть одним дуновением, но это было всё, что она накопила за десять с лишним лет упорного труда. Она хотела захватить Изнаночный мир, чтобы создать безопасное убежище для двух своих дочерей и других несчастных монстров в этом здании.

Удар Ли Чжэньчжуна был смертельным. Даже будучи Матерью-Гуаньинь, ей оставалось недолго.

Чем в итоге потерять рассудок и стать пищей для Изнаночного мира, лучше рискнуть и поставить всё на Цэнь Цзиня.

Цэнь Цзинь почувствовал, как третья, яростная ментальная сила обвилась вокруг него, помогая терзать остатки враждебной силы. Это не только сняло с него часть давления, но и дало возможность для контратаки.

В его мозгу возникла картина: среди кровавой луны три белые точки яростно вцепились друг в друга. Самая свирепая из них под натиском двух других отступала, слабела и в конце концов была поглощена.

Но цена была огромна: одна из белых точек стала подобна догорающей свече на ветру, готовой погаснуть в любой момент, другая тоже сильно ослабла. И всё это — ради победы над крошечным остатком ментальной силы божества.

Это давало представление о том, насколько ужасающе настоящие боги уровня «конца света».

— Лунное затмение! — вдруг воскликнула маленькая Ли Маньюнь.

Все аномалии посмотрели вверх. Край кровавой луны пожирала тень, точь-в-точь как при лунном затмении.

Такого никогда раньше не случалось. С самого появления Изнаночного мира кровавая луна всегда висела высоко в небе.

Ноги Цэнь Цзиня незаметно дрожали, перед глазами всё плыло, но он продолжал управлять гравитационной плёнкой, покрывая ею кровавую луну.

Когда наступит полное затмение, Изнаночный мир сменит хозяина.

Все аномалии затаили дыхание от напряжения. Маленькая Ли Маньюнь сжала кулаки, не отрывая взгляда от тени, медленно ползущей по луне.

Сначала кровавая луна стала похожа на надкусанный пирог, затем постепенно превратилась в

толстый полумесяц, потом — в серп, и наконец остался лишь крошечный, с ладонь, красный огонёк. Белая извёстка, парящая в воздухе старого здания, посыпалась вниз. Красный свет исчез. Несколько не лопнувших лампочек всё ещё добросовестно горели.

Внезапно Цэнь Цзинь, издав громкий кашляющий звук, выплюнул полный рот крови. Движение, поглощавшее луну, на несколько секунд замедлилось.

К счастью, вскоре она была поглощена полностью. В старом здании наступила невиданная прежде темнота, но все аномалии почувствовали облегчение.

Эта кровавая луна была для них кошмаром.

Раньше аномалиям было безразлично, поглотит ли их Изнаночный мир. При жизни они познали полное отчаяние, после смерти — не имели никаких привязанностей. Единственной их одержимостью была месть Ли Чжэньчжуну.

Если верить Цэнь Цзиню, Ли Чжэньчжун мёртв. Их одержимость ушла, и наступила растерянность. Исчезнуть сейчас казалось неплохим вариантом.

Теперь у Изнаночного мира новый хозяин, и они могут продолжать существовать. Но что их ждёт дальше?

Ведь в аномалиях нет добра. Станет ли этот желтоволосый следующим Ли Чжэньчжуном?

Никто не знал.

— Желтоволосый! — вдруг вскрикнула маленькая Ли Маньюнь.

Оказалось, что Цэнь Цзинь, полностью поглотив Изнаночный мир, исчерпал все свои силы. Напряжение спало, и ментальные нити тут же оборвались. Боль от внешних и внутренних ран хлынула разом. Он ослабел и повалился вперёд.

Прямо из окна, с высоты десятого этажа.

Взрослая и маленькая Ли Маньюнь, а также Чэнь Цзиньюнь инстинктивно бросились его спасать, но опоздали. Они с ужасом смотрели на мужчину, внезапно появившегося на подоконнике.

Он стоял на краю, одной ногой занеся её за пределы здания. На нём был изысканный, дорогой костюм, на глазу — монокль. Его лицо было невероятно красивым, но один взгляд на него вызывал у всех леденящий ужас, словно они заглянули в бездну ада.

Он появился как раз вовремя. Цэнь Цзинь, падая, рухнул прямо в его объятия. Ноги Цэнь Цзиня бессильно соскользнули вниз, но мужчина подхватил его.

Цэнь Цзинь был в полубессознательном состоянии. С трудом открыв глаза, он увидел бледную шею без единой родинки, затем — выступающий кадык, чьи линии были длинными и пленительными, обладая какой-то необъяснимой притягательностью.

Он мотнул головой и опёрся ею о плечо Дин Чжаоцина. Затем поднял взгляд и посмотрел ему прямо в глаза.

Лицо его было лишено выражения, в глазах ещё оставались отблески безумия. Он смотрел на бога без всякого почтения, под апатичной оболочкой скрывалась дерзкая душа.

— Ты не ушёл?

— Ушёл. Но недалеко.

Цэнь Цзинь краем глаза заметил распростёртых на полу аномалий и сказал:

— Всевышний, отмени свои божественные силы.

Дин Чжаоцин смотрел на Цэнь Цзиня с нежностью, словно на возлюбленного. Лишь Цэнь Цзинь знал, что под этой личиной скрывается притворство.

Маленькая Ли Маньюнь почувствовала, как давящая на неё сила внезапно исчезла. Она осторожно подняла голову и украдкой взглянула на Дин Чжаоцина и Цэнь Цзиня. Было слишком темно, чтобы разглядеть их лица, она видела лишь их близкую позу, словно они обнимались.

«Так это и есть босс желтоволосого? Его бог?» — растерянно подумала она. — «Боги все такие добрые и доступные?»

— Спасибо, — лениво произнёс Цэнь Цзинь.

Сначала никто не понял, кому он это сказал.

Дин Чжаоцин понял. Он опустил глаза и задумчиво посмотрел на него.

— Чэнь Цзиньюнь, — Цэнь Цзинь поднял взгляд, — ты можешь попросить у меня что-то одно, кроме спасения Ли Маньюнь. Она — особая душа, живущая за счёт одержимости. Я тут бессилён.

Маленькая Ли Маньюнь поднялась на ноги и с удивлением посмотрела на мать и сестру. Они стояли вместе, тихо и нежно глядя на неё.

Ей не понравилось это чувство, словно её отталкивали.

— Позаботься о маленькой Гуаньинь, пока она не проживёт жизнь как человек — со старостью, болезнями и смертью, — сказала Чэнь Цзиньюнь.

— Хорошо.

Чэнь Цзинь пока не мог превратить маленькую Ли Маньюнь в человека, но он был обязан Чэнь Цзиньюнь жизнью.

Взрослая Ли Маньюнь кивнула Чэнь Цзиню в знак благодарности, её тело стало прозрачным.

Как и сказал Чэнь Цзинь, она умерла, ничего не понимая. Пережив мучительный эксперимент, она стала особым существом, продолжавшим существовать благодаря одержимости идеей воссоединения с матерью, и скиталась по старому зданию.

Она одурманила Хо Сяотин, просила её о помощи. Даже колдун гу и Ли Чжэньчжун не знали о её существовании.

Когда Ли Чжэньчжун бросился на неё и разрубил её красный зонт, он даже не узнал в ней Ли Маньюнь.

Можно сказать, что взрослая Ли Маньюнь и её мать были единым целым.

Со смертью Чэнь Цзиньюнь одержимость исчезла, и она тоже растворилась.

А Чэнь Цзиньюнь, получив удар от Ли Чжэньчжуна, и так была на грани смерти. Отдав все свои последние силы, она исчерпала себя до дна.

Маленькая Ли Маньюнь поднялась и, пошатываясь, побежала к ним, пытаясь их удержать.

— Мама. Сестра.

Ей так повезло. В отличие от других аномалий, у неё были мать и сестра, и обе любили её.

Она только что встретила мать, только что услышала, как Ли Маньюнь без всяких обид позволила называть её сестрой. Поэтому она, несмотря ни на что, хотела, чтобы они навсегда остались вместе.

У маленькой Ли Маньюнь не было сердца, она не понимала, что такое чувство бессильной тоски. Она инстинктивно бросилась к матери и сестре.

Но когда она протянула руку и почти коснулась их, раздался тихий хлопок, похожий на лопнувший мыльный пузырь. Прекрасная Ли Маньюнь на её глазах рассыпалась на белые невесомые частицы. Нежная мать и огромная гора плоти одновременно обратились в красную сияющую пыль.

Комната наполнилась парящими красными кристалликами, смешанными с белыми искорками. Это было сказочно красиво — прощальный подарок Ли Маньюнь и Чэнь Цзиньюнь для маленькой Гуаньинь.

Маленькая Ли Маньюнь, промахнувшись, упала на пол и долгое время не знала, как реагировать.

Человек в белом халате и призрачные тени окружили её, не зная, что делать.

Цэнь Цзинь отвёл взгляд и сказал:

— Помоги мне.

— Говори, я подумаю, — ответил Дин Чжаоцин.

Цэнь Цзинь сказал, что ему нужно в реальный мир, но ноги ослабли, и он не может идти, так что пусть тот его донесёт.

Дин Чжаоцин с улыбкой посмотрел на него. Похоже, недавнее наблюдение принесло ему какие-то плоды, поэтому он великодушно согласился.

Цэнь Цзинь сходил в реальный мир и, вернувшись, держал в руках красный зонт.

Он вернул последний красный зонт Ли Маньюнь.

Та взяла его, прижала к груди и вдруг разрыдалась так громко, что Цэнь Цзинь вздрогнул. Окружающие призрачные тени и аномалии бросились её утешать.

Дин Чжаоцин и Цэнь Цзинь стояли в стороне и наблюдали.

— Можешь попробовать соединить проходом хижину в лесу и это старое здание.

— Это твоя территория.

— Расширение бизнеса. Хижина в лесу — это всего лишь мост. К тому же, ты можешь попробовать развивать Изнаночный мир. Встретишь другие руины — поглощай их, расширяй свои владения, создавай собственное царство. Если встретишь богов, у тебя будет сила противостоять им, поглотить их царства.

Дин Чжаоцин искушал его:

— Твоё собственное царство аномалий, которое может сделать тебя богом. Бессмертным богом, стоящим над всеми живыми существами.

— Но у меня нет карьерных амбиций, — ответил Цэнь Цзинь.

«...»

Цэнь Цзинь поднял глаза, чтобы Дин Чжаоцин отчётливо увидел: в его взгляде не было ни капли жажды власти. Так что соблазнение бесполезно.

— Я мечтаю о работе с девяти до пяти, с трудовым договором, где все уважают правила и порядок, не нарушая границ друг друга. Это самый комфортный образ жизни.

Становиться капиталистом ему не интересно, а уж тем более строить государство и возрождать феодальную монархию.

«Этот чёртов бог, насмотревшись фильмов, нахватался буржуазных замашек. Надо подсунуть ему книги, которые читает простой народ», — подумал Цэнь Цзинь.

— Может, тебе сначала принять душ, а потом, набравшись сил, заняться этим делом? — спросил Дин Чжаоцин.

«...» Слишком резкая смена темы.

Дин Чжаоцин улынулся и, уводя Цэнь Цзиня, сказал:

— Но соединить хижину в лесу и старое здание — это действительно для твоего же блага. Ты хочешь жить тихо, но позволят ли тебе силы? Высшие аномалии могут почувствовать твой Изнаночный мир. Стоит им коснуться того тумана, и они смогут проникнуть внутрь, отобрать его, пока ты слаб, и заодно убить тебя.

Цэнь Цзинь огляделся. Только после того, как кровавая луна была скрыта, он по-настоящему увидел размеры Изнаночного мира. От старого здания в центре до края сада камней было около двух тысяч квадратных метров. Остальное — бескрайний серый туман.

В глубине тумана, конца которому не было видно, чувствовалась бесконечная опасность, готовая поглотить любого.

На лицо Цэнь Цзиня вернулось его апатичное выражение.

Почему к этому прилагаются ещё и услуги по обеспечению безопасности?

Почему нет никаких юридических гарантий?

Почему эти аномалии так не любят соблюдать порядок?

Цэнь Цзинь погрузился в свои беспорядочные мысли и не заметил, как Дин Чжаоцин поднял его, словно ребёнка. Он обхватил руками плечи Дин Чжаоцина, уронил подбородок ему на макушку и, поникший и обессиленный, уснул от усталости.

Дверь хижины в лесу открылась. Дин Чжаоцин вошёл с ним на руках, отнёс в спальню и снова вышел.

Медноголовый и Обиженное дитя, молча наблюдавшие за всем этим, переглянулись. В глазах друг у друга они прочли ужас: «Этого желтоволосого разводят, как лоха!»

Реальный мир.

Ли Чжэньчжун, увидев Тутэн в странном костюме лекаря, который носил Еюшэнь, чуть не умер от страха. Он швырнул красный зонт и бросился бежать.

Тутэн увернулся от зонта и с молниеносной скоростью помчался за ним.

Внезапно из-за угла вышел Ван Линсянь. Он столкнулся с перепуганным человеком с лицом ящерицы и услышал крик Тутэн позади: «Это Ли Чжэньчжун!» Он тут же выхватил из-за пояса два пистолета и нацелился на него.

Поняв, что перед ним люди, Ли Чжэньчжун в ярости выхватил меч.

— Прочь!

Танский меч, покрытый инеем и искрами, взметнул поток воздуха, хлестнувший по лицу Ван Линсяня. Тот не шелохнулся. Его глаза оставались спокойными. Он нажал на спусковые крючки. Два глухих хлопка пронзили сталь клинка. Одна пуля вошла в твёрдый череп Ли

Чжэньчжуна, другая — точно в его механическое сердце.

Ли Чжэньчжун замер, не успев ничего понять.

На сверкающем лезвии его меча внезапно появилось несколько трещин, и оно мгновенно разлетелось на куски. В то же время специальные разрывные пули, попавшие в его тело, взорвались, словно фейерверки. Половина черепа Ли Чжэньчжуна разлетелась на куски, из механического сердца посыпались искры. Король гу взвыл от мучительной боли в пламени.

В следующее мгновение сверкнул холодный свет, и голова Ли Чжэньчжуна покатила по земле.

Тутэн убрал топор.

— Босс оказался таким слабаком? — нахмурился Ван Линсянь.

Тутэн перевернул тело Ли Чжэньчжуна и, указав на глубокую рану на его спине, сказал:

— Очевидно, мы просто добились его.

— Кто его так? — спросил Ван Линсянь.

— Когда он увидел меня, то в ужасе бросился бежать, выкрикнув: «Опять ты, Еюшэнь».

Ван Линсянь достал телефон и начал запись:

— Сообщим Организации, пусть проверят, что это за аномалия — Еюшэнь, и каковы её намерения по отношению к людям.

Тутэн согласился.

С самого начала они не доверяли показному дружелюбию аномалий.

Обыскав седьмой этаж и по пути прикончив тамошних монстров, Е Шэнъин получила уведомление в чате временного отряда. Она присвистнула и сказала:

— Большого босса завалили? Новое поколение сменяет старое. Сестричке скоро на пенсию.

Вскоре Лао Сюн с пятого этажа прислал фотографию: [Стопка трупов клана Ли. Грехи их тяжки.]

Раз есть время отправлять фото, значит, всё в безопасности, дело сделано.

Старый призрак и Сяо Яо с шестого этажа тоже прислали фото: плотные ряды железных клеток и высохшие трупы на полу, скребущиеся по нему. Кости их были раздроблены, но внешне они были целы. Очевидно, звуковая атака Сяо Яо сделала своё дело.

Они тоже были в безопасности.

— Ведите детей на десятый этаж, — отправила голосовое сообщение Е Шэнъин. — Следственная и медицинская группы Организации придут минут через двадцать.

Через несколько минут все собрались на десятом этаже. Выслушав рассказ Ван Линсяня и Тутэн и сопоставив его с данными из архива, Е Шэнъин уже имела некоторые соображения.

— Никому не рассказывайте о Еюшэне, — велела она им. — Скажете, что вы вдвоём убили Ли Чжэньчжуна.

Ван Линсянь не хотел присваивать себе эту заслугу и уступил её Тутэн.

Тутэн было всё равно. Он понимал стратегическое мышление Е Шэнъин. Никто не знал истинных мотивов помощи со стороны аномалии. В этот критический момент, когда новый мир вот-вот должен был открыться всему человечеству, появление самопровозглашённого справедливого и доброго Еюшэня было бы некстати.

У Организации и правительства давно была одна скрытая тревога: с приходом новой эры неизбежно возникнут новые верования.

Люди склонны к слепому подражанию, конформизму, они слабы, легко поддаются искушению и могут начать поклоняться аномалиям, как новым богам, становясь их пособниками.

— Какие только черти не повылезали. Ещё в прошлом году аномалий было не так много, а сейчас они плодятся, как грибы после дождя, — Е Шэнъин цокнула языком.

Сначала пещера Четырёх Морей, теперь старое здание клана Ли. Почему в одном только городе Синьхай столько высокоуровневых аномалий?

Выспавшись, Цэнь Цзинь восстановил силы. Он столкнулся с Медноголовым и Обиженным дитя, с нетерпением ждавшими у двери. Проигнорировав их, он сначала принял душ, переоделся, затем снова отправился в Изнаночный мир и вернулся с Ли Маньюнь, обнимавшей свой красный зонт.

Медноголовый и Обиженное дитя уставились на Ли Маньюнь, забыв о вчерашних переживаниях Цэнь Цзиня, и, оскалившись, в один голос спросили:

— Цэнь Цзинь, это ты нам на обед приготовил?

Глаза Обиженного дитя засияли, но оно сдерживало слюну в ожидании ответа.

Медноголовый же, вспоминая и вчерашний пир из аномалий, который мог бы помочь ему эволюционировать, и свежую человеческую плоть, жадно решил, что хочет и того, и другого.

Цэнь Цзинь, шея и руки которого были обмотаны бинтами, указал на двух аномалий и представил их:

— Одно — Обиженное дитя, другое — Медноголовый. Первое младше тебя, называй как хочешь. Второе старше, тоже как хочешь.

Затем он указал на девочку.

— Ли Маньюнь, новая постоялица.

<http://bllate.org/book/13658/1590063>